

Глядя на силуэт, суетящийся на кухне, Линь Чжоу словно перенесся на несколько лет назад. В те времена Цзян Шиянь точно так же стоял у плиты, готовя для него ужин.

От этих воспоминаний на душе стало тоскливо и горько.

«И зачем только готовит? Мы же расстались», — раздраженно подумал он.

Линь Чжоу сердито поднялся с дивана, шумно прошелестел домашними тапками на кухню и бесцеремонно дернул Цзян Шияня за рукав:

— Моя кухня посторонних не принимает.

Цзян Шиянь даже не шелохнулся.

— Твоя кухня? — спокойно отозвался он. — Да ты в ней отродясь ничего не готовил.

— Вранье! — вспыхнул Линь Чжоу. — А два года назад кто целый стол праздничных блюд накрыл? Ослеп тогда, что ли?

Воспоминание о той кошмарной ночи двухлетней давности заставило пальцы Цзян Шияня судорожно сжаться, а его взгляд мгновенно потемнел.

— Убирайся, ну же, уходи... — не унимался Линь Чжоу, пытаясь вытолкнуть его из кухни.

— Прости меня, — вдруг тихо произнес Цзян Шиянь.

Линь Чжоу осекся. Услышав эти слова, он на миг оцепенел, но уже в следующее мгновение нахмурился, заметив кое-что странное:

— Что у тебя с рукой?

Цзян Шиянь проследил за его взглядом. Рукава его рубашки и без того были закатаны до локтей, а от толчков Линь Чжоу левый задрался еще выше, обнажая предплечье. Кожу покрывала уродливая сеть застарелых шрамов — глубоких и едва заметных, переплетенных в жуткий узор.

Цзян Шиянь вздрогнул. Резко отступив на шаг, он торопливо одернул рукав, скрывая отметины.

— Ерунда, старые царапины, — как можно небрежнее бросил он и отвернулся к плите, чтобы достать из кастрюли пиалу с тушеной грушей.

Линь Чжоу застыл, чувствуя, как леденеют пальцы. Память мгновенно унесла его в душный летний день много лет назад. Тогда он так же тихо приоткрыл дверь чужой спальни, собираясь в шутку напугать друга, но онемел от ужаса, увидав израненного подростка, исступленно кромсающего собственную плоть.

— Съешь грушу, — Цзян Шиянь протянул ему теплую пиалу.

С трудом стряхнув оцепенение, Линь Чжоу на автомате принял посуду. Горячие глиняные бока приятно согрели окоченевшие ладони.

Постаравшись придать лицу максимально равнодушный вид, он скептически покосился на мужчину:

— Я не ослышался? Ты только что попросил прощения?

— Да, — подтвердил тот, кивнув.

От этой непривычной покорности Линь Чжоу на миг лишился дара речи. Постояв в нерешительности, он развернулся и ушел с пиалой в гостиную.

— Что за день покаяния? Все так и норовят извиниться. Сначала твой Сяо Жань, теперь ты.

Цзян Шиянь, отмывавший кастрюлю, недовольно нахмурился:

— Сяо Жань мне не родственник. Можешь делить надвое все, что он говорит.

Ополоснув и убрав посуду на место, он щелкнул выключателем и вошел вслед за хозяином в гостиную.

— Значит, его слова о том, что ты не причастен к краже моих контрактов — тоже ложь? — ядовито усмехнулся Линь Чжоу.

— Нет, это правда.

— М-м? — Линь Чжоу занес ложку над открытым ртом и недоуменно уставился на гостя.

«Он что, совсем идиот? Сначала извиняется, а теперь идет на попятную?»

— Но косвенно виноват я, — Цзян Шиянь принялся машинально наводить порядок на журнальном столике, складывая разбросанные глянцевые издания ровной стопкой. — Если бы не я, этого бы не случилось.

Линь Чжоу промолчал, сосредоточившись на еде. Груша была горячей, нежной и сладкой. В этот промозглый осенний вечер, когда отопительный сезон еще не начался, теплое угощение разлилось по телу приятной истомой, мгновенно смягчая раздраженное, саднящее горло.

Здоровьем Линь Чжоу никогда не хвастался — серьезных недугов не имел, но вечно страдал от мелких болячек. И стоило ему в старшей школе переехать в общежитие, подальше от заботливой мамы Чжоу Цин, как Цзян Шиянь добровольно взял на себя роль его личного повара и сиделки.

Стоило Линь Чжоу пожаловаться на желудок — варилась нежная пшенная каша; начинало першить в горле — на столе тут же появлялась ароматная груша с янтарным леденцовым сахаром. А когда парню безумно хотелось чего-нибудь вредного и вкусного, Цзян Шиянь умудрялся бегать в самоволку через школьный забор, пробираясь на кухню уличной забегаловки, чтобы собственноручно приготовить любимое блюдо друга.

До сих пор Линь Чжоу оставался абсолютно неприспособленным к быту: не умел ни готовить, ни поддерживать мало-мальски приличный порядок. Дома его баловала мать, а за порогом эту эстафету перехватил Цзян Шиянь.

— Да ладно тебе, ничего такого страшного Сяо Жань не совершил, — Линь Чжоу качнул головой. — Подумаешь, увел пару ролей. Переживу.

— А Цзян Хэфань? — Цзян Шиянь опустил ресницы, и его голос внезапно обдал могильным холодом. — Его козни тоже на моей совести.

Линь Чжоу замер. Сколько лет он не слышал этого имени? Оно прозвучало так неожиданно, что на секунду показалось чужим, забытым.

Но в следующий миг в его голове словно сошлись все недостающие фрагменты головоломки. Мутные, разрозненные события последних лет выстроились в четкую, пугающую картину.

Он с грохотом швырнул пиалу на стол и резко вскочил с места:

— Цзян Хэфань... Да я его, ублюдка, на ремни порежу!

Цзян Шиянь прекрасно знал эту реакцию. Стоило Линь Чжоу услышать имя кузена, как он мгновенно терял контроль над собой. Разум Линь Чжоу действительно затопила слепая ярость. Ему не требовалось никаких доказательств: если Цзян Шиянь произнес это вслух, значит, все палки в колеса за последние годы — дело рук этой мрази.

Он рванулся к выходу, но Цзян Шиянь мертвой хваткой перехватил его запястье.

— Пусти меня! — взревел Линь Чжоу. Глаза его налились кровью. — В этот раз я лично всажу в

него нож!

Он со всей силы рванул руку, пытаясь вырваться, и упрямо двинулся к двери.

— Линь Чжоу! — выдохнул Цзян Шиянь. Поняв, что уговоры бесполезны, он шагнул вперед, обхватил его сзади за талию и намертво прижал к себе. — Сначала выслушай меня!

— Ну давай, говори, я весь внимание! — Линь Чжоу тщетно попытался выкрутиться из стального захвата и злобно уставился на мужчину через плечо. — Хочешь сказать, что я круглая сирота по части ума? Что Синьей Медиа напрямую связано с этим ублюдком?

Цзян Шиянь промолчал, и это молчание было красноречивее любых слов.

Линь Чжоу до боли сжал кулаки. Синьей Медиа годами урезал его продвижение, отменял кастинги и душил любые перспективные проекты. Линь Чжоу был свято уверен, что это козни Агентства Развлечений Хуашан. Все ниточки вели туда, а их вражда с Цзян Шиянем лишь укрепляла эту веру. Окружающие тоже шептались, что бывший друг перекрывает ему кислород из мести.

Кто бы мог подумать, что за всем этим стоял паршивый ублюдок Цзян Хэфань.

Сделав глубокий, судорожный вдох, Линь Чжоу прорычал:

— Руки убрал! Я найду его и заставлю вернуть долг. Он мне по гроб жизни обязан за то, что еще дышит!

Видя, что Линь Чжоу готов убивать, Цзян Шиянь только крепче сжал объятия.

— Чжоучжоу, успокойся. Пожалуйста, дыши глубже.

Эта привычка мгновенно взрываться при одном упоминании мерзавца, похоже, осталась неизменной.

— Успокоиться?! Какого черта я должен успокаиваться?! — Линь Чжоу резко развернулся в его руках и ткнул пальцем в тонкий белый шрам у внешнего уголка глаза мужчины. — Эта тварь обязана мне жизнью! И он еще смеет гадить у меня за спиной?! Клянусь, я придушу его собственными руками...

Прохладное прикосновение к виску отозвалось в груди Цзян Шияня частым, неровным стуком. Руки, обнимающие Линь Чжоу за талию, невольно сжались еще крепче, а взгляд потемнел от едва сдерживаемых чувств.

Но Линь Чжоу, ослепленный яростью, ничего не заметил.

— Если бы я тогда не рванул тебя на себя, тебя бы уже в живых не было! — выкрикнул он, но сорванное горло не выдержало напряжения, и парень зашелся в тяжелом, надсадном кашле.

Цзян Хэфань приходился Цзян Шияню двоюродным братом — сыном старшего брата его отца, Цзян Цунжуна.

Отец Хэфаня был человеком бестолковым и мягкотелым, поэтому глава семейства, дедушка Цзян, всегда делал ставку на своего младшего сына, Цзян Цунжуна. Что же касается младшего поколения, то здесь неоспоримым фаворитом старейшины был Цзян Шиянь. Он блестяще учился, обладал деловой хваткой и заслуживал похвалу за похвалой. Старик не раз прозрачно намекал, что намерен передать бразды правления семейной империей именно ему.

Разумеется, это породило в душе Цзян Хэфаня черную, удушливую зависть. Однако пойти против самого кузена он трусил, понимая, что весовые категории неравны. И тогда мерзавец решил отыграться на Линь Чжоу.

О том, как сильно Цзян Шиянь дорожил своим другом, знали абсолютно все.

Собрав шайку отморожков, Хэфань подстерег Линь Чжоу в глухом переулке. В завязавшейся драке парню сильно повредили ногу, лишив возможности защищаться. Озверев от безнаказанности, кузен решил выместить всю накопленную злость на беспомощной жертве. Он выхватил нож и с размаху вонзил его в бедро Линь Чжоу, намереваясь покалечить его на всю жизнь.

Появившийся в последний момент Цзян Шиянь успел перехватить руку нападавшего. Завязалась ожесточенная потасовка, и в запале борьбы Хэфань нацелился лезвием прямо в грудь брату.

Цзян Шиянь мог легко уклониться от удара, но сзади, приваленный к стене, лежал раненый Линь Чжоу. Сместись Шиянь хоть на дюйм — под удар попал бы друг. Поэтому он не сдвинулся с места.

В панике Линь Чжоу из последних сил рванул друга за полы куртки. Лезвие скользнуло в считанных миллиметрах от виска, распоров кожу у самого глаза и оставив глубокий рваный след. Еще мгновение — и Цзян Шиянь остался бы без глаза. Или вовсе расстался бы с жизнью.

Не дерни его тогда Линь Чжоу, спасти сейчас было бы уже некого.

Разъяренный Цзян Цунжун твердо вознамерился сгноить племянника в тюрьме, но отец Хэфаня бросился в ноги к дедушке, умоляя о пощаде. Сыграло роль и то, что мерзавец на тот момент еще не достиг совершеннолетия. В итоге, уступая слезным просьбам старейшины, дело

замяли. Хэфаня спешно выслали за границу, откуда он не смел показывать носа по сей день.

Для Линь Чжоу это имя навсегда осталось синонимом того смертоносного блеска стали над грудью друга. Пытаясь заглушить пережитый тогда ужас, он годами заставлял себя не вспоминать о кузене — и в итоге почти преуспел в этом забвении.

— И где ты собрался его искать? — Цзян Шиянь мягко погладил его по спине, помогая восстановить дыхание после приступа кашля. — Он за тридевять земель. Не глупи, я сам со всем разберусь.

Постепенно ярость утихла, сменившись глухой досадой на самого себя.

— Воды дай, — хрипло выдохнул Линь Чжоу.

«Каким же я был кретином! — мысленно ругал он себя. — Шиянь ведь предупреждал, заклинал не подписывать контракт с Синьей Медиа! Нет же, уперся рогами... Сам виноват, поделом мне».

Цзян Шиянь выпустил его из объятий, налил теплой воды из чайника и протянул стакан.

Осушив его в несколько жадных глотков, Линь Чжоу утер губы тыльной стороной ладони и угрюмо уселся на диван, поджав губы. Было ясно: парень ушел в себя от обиды и злости.

В свое время Цзян Шиянь лично навел справки о Синьей Медиа. Фирма казалась мелкой, но чистой — никаких явных подводных камней не обнаружилось, и он решил не давить на друга, раз уж тот загорелся этой идеей. Он слишком хорошо знал гордость Линь Чжоу, его вечное стремление всего добиваться самому, поэтому не стал лезть в его дела. Кто же знал, что за этой вывеской притаилась змея...

Как ни крути, он проявил преступную халатность.

Найдя глазами оставленные на столике лекарства, Цзян Шиянь пробежался взглядом по инструкции, выщелкнул нужные таблетки и протянул их парню:

— Выпей. Тебе нужно принять лекарство.

Тот демонстративно отвернулся, пропустив слова мимо ушей.

Вздохнув, Цзян Шиянь без лишних слов перехватил его за подбородок, заставив приоткрыть рот, и ловким движением отправил таблетки прямо на язык.

— М-м-м! — возмущенно замычал Линь Чжоу, дернувшись, но хватка оказалась железной. К его губам тут же прижался край стакана.

— Не заставляй меня действовать силой. Захлебнешься же.

Линь Чжоу сверлил его яростным взглядом добрых десять секунд, но сдался. Так и не прикоснувшись к стакану, он послушно сделал глоток прямо из рук друга и проглотил таблетки.

Расправившись с лекарством, парень бессильно откинулся на подушки дивана, наблюдая за мужчиной. Цзян Шиянь опустил на край подлокотника — на свое излюбленное место, где раньше часами читал отчеты и пил чай.

— Ты за Сяо Жанем так же ухаживаешь? — внезапно сорвалось с его губ.

Цзян Шиянь, аккуратно складывавший разбросанные упаковки в ящик стола, замер. Он медленно поднял голову, и в его взгляде вспыхнули опасные искры:

— Что за глупости ты несешь?

Линь Чжоу горько усмехнулся. В юности, будучи наивным и далеким от изнанки жизни, он мало что смыслил в подобных вещах и по глупости даже ляпал что-то пренебрежительное об однополой любви. Но за пару лет в шоу-бизнесе он насмотрелся на такое, что все иллюзии мигом испарились.

Они знали друг друга с пеленок, и за всю жизнь Шиянь ни разу не упомянул ни одной девушки. Рано или поздно Линь Чжоу неизбежно должен был сложить два и два.

— Я не люблю ходить вокруг да около. Есть вопрос — задаю в лоб. Не то что некоторые любители тайн и недомолвок.

Шпилька попала точно в цель. Цзян Шиянь сжал пальцы на краю ящика, несколько секунд молча разглядывая узор на ковре, и наконец глухо произнес:

— Сяо Жань для меня просто знакомый. Я тебе никогда не лгал.

Линь Чжоу неопределенно хмыкнул, но в глубине души поверил.

Цзян Шиянь тем временем выудил из ящика просроченные лекарства и отправил их в мусорную корзину.

Наблюдая за этой хозяйственностью, Линь Чжоу вновь почувствовал, как к горлу подкатывает комок раздражения:

— Хватит хозяйничать, это моя квартира. Я два года прекрасно жил в этом бардаке и как-то обходился без твоей опеки.

Рука мужчины на секунду замерла, но он промолчал, спокойно закрыв ящик.

«Какая поразительная выдержка», — мысленно съязвил Линь Чжоу.

— Знаешь, Шиянь, я теперь каждое слово взвешиваю, когда с тобой разговариваю. Боюсь ляпнуть лишнее — ты ведь чуть что сразу срываешься и устраиваешь скандал на ровном месте.
— Линь Чжоу намеренно бил по больному, прощупывая границы его терпения.

Во взгляде Цзян Шияня что-то дрогнуло, но он вновь смолчал. Молча забрал пустую пиалу со стола и скрылся на кухне.

Линь Чжоу долго смотрел ему вслед. За эти два года разлуки он многого не мог понять, но за последние несколько дней туман в его голове наконец начал рассеиваться. Только оставшись без этой незримой поддержки, он осознал, в какой абсолютной, тепличной заботе жил все это время.

Три года в старшей школе, еще четыре — в университете... Линь Чжоу ни разу в жизни не ходил к титану за кипятком. Их термосы давно стали общими, и в них всегда плескалась свежая горячая вода. Зимой, когда в общежитии гуляли сквозняки, а администрация строго запрещала обогреватели, под его одеялом каждую ночь волшебным образом оказывалась грелка, согревающая постель к его приходу.

Когда после выпуска они съехались, Линь Чжоу окончательно забыл, как выглядит веник. Максимум, на что его хватало в редкие минуты трудового порыва — это пару раз лениво провести пылесосом по ковру. Но стоило Шияню пожурить его за оставленную пыль, как Чжоу тут же строил обиженную гримасу и наотрез отказывался притрагиваться к уборке.

О готовке и говорить не приходилось: стоило другу освободиться пораньше, как он тут же вставал у плиты. В те редкие золотые годы, когда их графики еще позволяли расслабиться, они практически не заказывали доставку и не ходили по ресторанам.

Любая потерянная вещь находилась по первому требованию. Стоило Линь Чжоу крикнуть из спальни — и нужный предмет тут же ложился ему в руку. А за последние два года самостоятельной жизни его дом превратился в черную дыру: ключи, документы, зарядники бесследно исчезали в самый неподходящий момент. Буквально на днях он наткнулся в разных углах на четыре одинаковые пары ножниц — каждый раз, не найдя старые, он просто шел и покупал новые.

Отец, Линь Ишань, как-то в сердцах назвал его великовозрастным младенцем. И ведь был абсолютно прав. Дома все капризы исполняла мама, в большом мире — Цзян Шиянь. Самое страшное, что Линь Чжоу принимал эту тотальную заботу как нечто разумеющееся.

И лишь сейчас он отчетливо понял: это было чертовски неправильно.

Цзян Шиянь вернулся из кухни и остановился прямо перед ним, молча глядя сверху вниз.

Линь Чжоу, глубоко ушедший в свои мысли, вздрогнул, натываясь на его пристальный взор.

— Может... ударишь меня? Чтобы полегчало? — Цзян Шиянь неловко сжал пальцы в кулаки.

— Делать мне больше нечего, — буркнул Линь Чжоу, но тут же вспомнил, что вообще-то уже приложил его пару дней назад.

Смутившись, он поспешно отвел взгляд в сторону, не решаясь смотреть другу в глаза.

— Прости меня, — тихо повторил Цзян Шиянь. Его голос звучал приглушенно и надломленно.
— Линь Чжоу, видит бог, я никогда не желал тебе зла. Но почему-то вся боль, что тебе довелось пережить, так или иначе связана со мной.

В этом хриплом, тихом признании сквозило такое беспросветное отчаяние, что Линь Чжоу не выдержал и вскинул голову. В нерезком свете комнатных ламп Цзян Шиянь выглядел пугающе уязвимым. Тонкие пряди волос небрежно падали на лоб, расстегнутый ворот белой рубашки обнажал ключицы, а в полуопущенных глазах застыла глухая тоска. Таким потерянным он не выглядел уже очень давно.

Сердце Линь Чжоу пропустило удар. Перед глазами вновь возник призрак из прошлого: зашторенная комната, погруженная во мрак, и хрупкий подросток в белой футболке, который беззвучно вылил до крови кусая собственную руку, лишь бы не закричать в голос.

— Что за чушь ты несешь? — Линь Чжоу поспешно отогнал нахлынувшее воспоминание, силой подавляя дрожь в голосе. — О каких травмах вообще речь? Жив-здоров, как видишь.

Цзян Шиянь лишь горько усмехнулся. Тогда, в темном переулке, Хэфань едва не оставил Линь Чжоу калекой. А его, Шияня, не оказалось рядом в нужный момент. Опоздай он хоть на пару минут — случилось бы непоправимое. Да и сейчас: нелепая ревность Сяо Жаня, грязные игры за кулисами шоу-бизнеса, подлость Хэфаня... Все это произошло лишь потому, что он, Цзян Шиянь, снова не сумел его уберечь.

— Уже поздно. Тебе пора принять душ и лечь спать, — Цзян Шиянь глубоко вздохнул, и его лицо мгновенно приняло привычное маскообразное выражение холодного спокойствия. — На досуге подумай о разрыве контракта с Синьей Медиа. Я знаю твои принципы и не

предлагаю помощь от своего имени, но раз уж в деле замешан Хэфань, отбрось гордость. Если ты не против, я подберу для тебя надежное агентство. Разумеется, никак не связанное со мной или моими компаниями.

Линь Чжоу приоткрыл было рот, собираясь возразить, но лишь упрямо насупился:

— Ладно. Мне нужно время подумать.

«Сначала я придумаю, как стереть эту гниду Хэфаня в порошок, — яростно размышлял он. — Эта обида костью сидит у меня в горле слишком много лет. Пока не отплачу ему сполна — не успокоюсь».

<http://bllate.org/book/18995/1917889>